

ВОЙНА, ТУРИЗМ И АУТЕНТИЧНОСТЬ В МОСКОВСКОМ ПАРКЕ «ПАТРИОТ»

Татьяна Воронина

*Татьяна Воронина, независимый историк, Швейцария.
voronina1977@gmail.com.*

В центре внимания автора статьи – практики исторической аутентификации Второй мировой войны в современной России. Что меняется в военно-патриотическом проекте и понимании сакрального, когда вместо советской «Зарницы» школьники играют в пейнтбол и участвуют в реконструкциях, вместо походов «по местам боевой славы» посещают бутафорские «партизанские деревни», а вместо возложения цветов к Могиле Неизвестного Солдата зажигают свечи в православном храме и ищут предков в электронных музейных базах? Как аутентичность связана с производством сакральности и что ее востребованность говорит о современных отношениях общества и власти?

На примере московского парка «Патриот» – мемориально-развлекательного пространства, ставшего образцом для новых туристических проектов в России, – я анализирую особенности современной мемориальной политики. Использование подлинного оружия и артефактов Второй мировой войны, иммерсивных экспозиций и реконструкций военного быта позволяет организаторам не только продвигать патриотическую версию прошлого, во многом созвучную советской, но и формировать у посетителей чувственный опыт «узнавания» истории.

Преобразование войны в коммерческий и туристический бренд является одновременно инструментом политической легитимации. Если в СССР аутентификация прошлого достигалась преимущественно посредством цензуры и идеологического воздействия, то сегодня она основывается на производстве личного опыта соучастия в исторических событиях. Управляя формами аутентификации прошлого, государство сохраняет контроль над историческим нарративом, хотя сама аутентичность и вызываемая ею эмоциональная вовлеченность способны порождать смыслы, выходящие за пределы замысла организаторов.

Ключевые слова: аутентичность; историческая политика; туризм; исторические парки; парк «Патриот»

САКРАЛЬНОЕ В ПРОФАННОМ, ИЛИ ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ МОСКОВСКОГО ПАРКА «ПАТРИОТ»

Создание исторических развлекательных парков – идея в мире не новая (Ashworth et al. 2007; González 2013). Более того, парки, демонстрирующие посетителям разного рода поля сражений, вооружение и боевые машины давно стали частью туристической развлекательной инфраструктуры (Carman and Carman 2020; Cento Bull

et al. 2019; Pauls and Walby 2020). Парк «Патриот» в этом смысле не исключение, а часть мирового тренда. Однако российский случай отличается от других, во-первых, то, что здесь такой парк не один – их около десятка, и все они до 2023 года считались филиалами одного Военно-патриотического парка культуры и отдыха Вооруженных Сил Российской Федерации «Патриот»¹. Такого рода парки расположены в Кронштадте, Севастополе, Туле, Каменск-Шахтинске (Ростовская обл.), Уфе и на Камчатке. Во-вторых, в России они претендуют на роль новых сакральных пространств с православными храмами и местами поминаения погибших воинов, становясь не только развлечением, но и лабораторией новых политических смыслов.

Первым и самым известным из десятка созданных в современной России парков «Патриот» был московский парк в Кубинке. На его основе разрабатывалась концепция для остальных аналогичных парков. Заложенный в 2014 году в 60 километрах от Москвы, он стал знаковым пространством для современного культурного ландшафта России. На территории площадью более 5 тысяч гектаров расположились музейно-храмовый комплекс (куда входит храм Воскресения Христова, или так называемый главный храм Министерства обороны Российской Федерации, построенный в 2020 году в честь 75-летнего юбилея Победы СССР в Великой Отечественной войне; один из главных музеев о войне современной России – музей «Дорога памяти» с архитектурной композицией Даши Намдакова «Матерям победителей»), а также выставочные залы современного экспоцентра, музейные пространства, «партизанская деревня», спортивные арены, поле для организации исторических реконструкций и слетов российской патриотической молодежи, памятники героям войны, православная часовня, отели и рестораны, а также полигоны для испытания новейших видов вооружения, демонстрируемого в рамках ежегодного международного форума «Армия»². На время форума парк закрывается для обычных посетителей, однако в прочие дни функционирует как объект организованного молодежного туризма и популярное для семейного отдыха место³. Главным «заказчиком» парка является Министерство обороны Российской Федерации, предполагалось, что такие парки будут устроены в каждом военном округе России, и это отчетливо обозначало особый интерес министерства к проекту

¹ 30 октября 2014 года министр обороны Российской Федерации подписал приказ о создании Военно-патриотического парка культуры и отдыха Вооруженных Сил Российской Федерации «Патриот». С 2023 года у парка новое название. В соответствии с приказом министра обороны Российской Федерации от 4 мая 2023 года № 256 «О переименовании федерального государственного автономного учреждения “Военно-патриотический парк культуры и отдыха Вооруженных Сил Российской Федерации “Патриот”” и ликвидации его филиала» парку было присвоено новое официальное название: федеральное государственное автономное учреждение «Центральный военно-патриотический парк культуры и отдыха Вооруженных Сил Российской Федерации “Патриот”».

² См. раздел «История развития» на официальном сайте парка «Патриот», просмотрено 26 сентября 2025 г., <https://parkpatriot.ru/o-parke/history>.

³ Официальная статистика о количестве посетивших парк «Патриот» в открытом доступе отсутствует. Однако на основе 41 857 оценок и 12 323 отзывов, размещенных на ресурсе «Яндекс Карты», парку присвоен высший балл, что косвенно свидетельствует о высокой популярности этого места среди туристов.

(Нельзина и др. 2019). Вся парковая инфраструктура и объекты в первую очередь отсылают к военной корпоративной культуре. Как свидетельствуют публикации в российской прессе, изначально парк «Патриот» задумывался в качестве рекреационного пространства для семей российских военных из ближайших военных городков Центрального военного округа России. Развлечения, досуг здесь должны были сочетаться с элементами военно-патриотического воспитания (Бойко 2014). Со временем, однако, концепция несколько изменилась, и парк превратился в значимый идеологический проект всероссийского значения. Как записано в одной из первых редакций (2019 года) Устава парка «Патриот», целью его работы являются «воспитание патриотизма и гражданственности, гордости за Российскую Федерацию и ее Вооруженные Силы», «формирование позитивного отношения общества к военной службе», при этом организаторы занимаются «хранением, выявлением, собиранием, изучением и публикацией музейных предметов и музейных коллекций» и «обеспечением мероприятий боевой подготовки личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации» (Устав 2019).

На момент закладки московского парка «Патриот» в 2014 году его территорию едва ли можно было считать «аутентичным историческим пространством». Здесь не было ни специально почитаемых захоронений периода Второй мировой войны, ни особенных мемориалов (то есть того, что обычно лежит в основе национальных мест памяти), ни оправдывающей специфику места легенды⁴ (Ассман 2014; Ваньке 2015; Габович 2020; Bogumił and Voronina 2023). Нарратив об особенной исторической важности этого пространства возник лишь тогда, когда решение о создании парка уже было принято. До тех пор место использовалось в качестве полигонов Центрального музея бронетанкового вооружения и техники, и его выбор определялся скорее прагматическими (в частности, логистическими и экономическими) соображениями организаторов, чем символическим статусом пространства.

Это обстоятельство, однако, не помешало созданию на территории парка современных сакральных пространств памяти о войне: православного собора во имя Воскресения Христова, или Главного храма Вооруженных Сил Российской Федерации, построенного к 75-летию юбилею победы в Великой Отечественной войне в 2020 году, и значимых для современного увековечения памяти о Великой Отечественной войне музея «Дорога памяти» и нового девятиметрового мемориала «Матерям победителей» Даши Намдакова. О высоком статусе этого нового пространства в России свидетельствует то, что настоятелем храма в парке является глава Русской православной церкви Московского патриархата Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, а разные объекты в парке «Патриот» открывали российский президент, министр обороны и глава администрации Московской области

⁴ Обнаруженные поисковиками и воссозданные в ходе реконструкции на территории танкового музея в 2020–2022 годах могила механика-водителя танка Т-34 «Московский пионер» сержанта С. Лукоянова и братская могила экипажа танка Т-119 являются сравнительно новыми мемориалами, существование которых не принималось во внимание при планировании парка. Танковый музей, на территории которого был воздвигнут мемориал, до 2015 года существовал автономно от парка.

(«Андрей Воробьев и Сергей Шойгу» 2016; «Владимир Путин в парке “Патриот”» 2018). Символическую составляющую, говоря о территории парка, создатели подчеркивали разными способами. Объясняя выбор именно Одинцовского района Московской области, инициаторы создания парка поясняли:

Кубинка – это историческое место, связанное не только с довоенным формированием легендарных танковых и авиационных подразделений, но с событиями Великой Отечественной войны: в данном районе проходила линия обороны Москвы, велись ожесточенные бои и формировались партизанско-диверсионные отряды. Кроме того, на территории Кубинки вот уже 80 лет действует «Центральный музей бронетанкового вооружения и техники» – наше национальное достояние, уникальное собрание бронетанковой техники, известное во всем мире (Нельзина и др. 2019:183).

Министр обороны Сергей Шойгу в 2020 году говорил, что «с этого места советские войска в 1941 году начали движение на Запад, [...] на этом месте был найден старый гранитный верстовой столб, от которого началось движение войск» (цит. по Аркадьев и Лосик 2020). Обнаруженный в ходе строительства верстовой столб со временем превратили в мемориал. Установленный перед храмом на Соборной площади столб сопровождает табличка, уведомляющая, что «в 10 км от этого места в декабре 1941 года проходила последняя линия обороны Москвы, на которой на смерть стояли наши предки, не позволяющие врагу прорваться к столице», здесь же приведена карта местности. Неподалеку расположено воссозданное поисковиками поле сражений времен Великой Отечественной войны – «Поле Победы» – это изрытая окопами территория, где «воссозданы окопы и блиндажи, в которых солдаты обороняли город во время немецкого наступления»⁵. Другими словами, московский парк «Патриот» позиционирует себя как пример общественно значимого и идеологически заряженного пространства, где развлекательный компонент тесно взаимодействует с воспитательным, а коммерция с идеологией.

Основным легитимирующим свойством этого пространства была выбрана «аутентично рассказанная» история Великой Отечественной войны, к которой отсылают большинство объектов парка – от развлекательных комплексов и аттракционов до храма. В отличие от советских «Зарниц» и «смотров строя и песни», развлекательный потенциал современного парка «Патриот» имеет выраженную рыночную и коммерческую направленность и связан с туризмом. Это проявляется как в стоимости билетов, доступных далеко не всем россиянам, так и в том, что предлагаемые развлечения не ограничиваются известными со времен СССР. Гостям здесь предлагают посетить иммерсивные залы современного музея, дают возможность опробовать тренажеры, имитирующие управление оружием, принять участие в исторической реконструкции, пострелять из старого (военных лет) оружия; посетить церковную службу в Главном храме Вооруженных Сил Российской Федерации, принять участие в соревнованиях по экстремальным видам спорта

⁵ «Поле Победы в Парке Патриот», Geomerid. Онлайн-путеводитель, просмотрено 26 июня 2025 г., <https://geomerid.com/ru/place/pole-pobedy-park-patriot/overview>.

(или посмотреть на них в качестве зрителя), покататься на велосипедах, роликовых коньках или самокатах по аллеям парка⁶.

Тот факт, что в 2014 году в России был заложен военизированный развлекательный парк, не вызывает удивления, учитывая внешнеполитический курс российской политики и общемировую практику создания такого рода сооружений (Bielo 2018). Уникальность «Патриота» в том, что восстанавливаемая аутентичность войны была условием формирования сакральности этого места. Как писал Мирча Элиаде (2000), истинная характеристика сакрального места заключается в его способности создать особенный темпоральный режим, в котором сосуществуют прошлое, настоящее и будущее. Сливаясь в одну символическую точку в пространстве, они из обычного места создают место, значимое для культуры. Поэтому поиск аутентичности как «прошлого», присутствующего в «настоящем» во имя будущего, как правило, связан с производством сакральности. Поиск аутентичного прошлого в парке «Патриот» – это не просто дань культуре военных, для которых Великая Отечественная война – критическая точка корпоративной идентичности, но условие сакрализации пространства, а также тех идей и надежд на будущее, которые реализуют организаторы парка.

Помимо соединения прошлого, настоящего и будущего, производство сакральности в парке происходило и с помощью весьма традиционных для России средств, то есть с привлечением православной символики и при участии Русской православной церкви. Именно поэтому в парке широко представлены православные символы и объекты: часовни, главный храм всероссийского значения, поклонный крест. Не побрезговали организаторы и использованием значимых советских символов. В парке есть капсулы с землей из военных мемориалов (могил Неизвестного Солдата), установлены обелиски, памятники героям, монумент, посвященный матерям погибших героев. Эти символы также рассматривались организаторами как символы аутентичной версии прошлого, хотя и уже советского. При этом посетители могли не только увидеть сакральные пространства, но и «приобщиться», получив опыт «вживания» в историю и эмоционального ее осмысления. Так, в 2024 году один из посетителей в отзыве о своем посещении написал: «Экспозиции поражают своей масштабностью, а интерактивные зоны позволяют почувствовать себя частью истории. Прекрасное место для семейного отдыха и патриотического воспитания!»⁷.

⁶ Судя по информации с официального сайта парка (<https://parkpatriot.ru>), взрослый комплексный билет с правом посещения объектов «Музейная площадка № 1» и «Партизанская деревня» стоит 750 рублей (детский билет – 350 рублей). Посещение Танкового музея и других объектов, равно как экскурсии и выставки, оплачиваются дополнительно. В Главный храм Вооруженных Сил Российской Федерации, а также в музей «Дорога памяти» и на объект «Поле Победы» вход свободный, но экскурсии по этим объектам стоят от 450 до 6000 рублей.

⁷ «Яндекс Карты», Центральный парк Патриот Министерства обороны Российской Федерации, Constantine Li, 22 ноября 2024 г., https://yandex.com/maps/org/194691861861/reviews?reviews%5BpublicId%5D=xppdmwhxh40eybhrkuv99gewb4&utm_source=review. Здесь и далее при ссылке на отзывы посетителей на ресурсе «Яндекс Карты» указано название ресурса, название объекта, имя пользователя, опубликовавшего отзыв, а также дата публикации.

Но что меняется в философии военно-патриотического проекта и осмыслении сакрального, когда вместо советской «зарницы» современные школьники играют в пейнтбол и участвуют в реконструкциях сражений военных времен, вместо походов «по местам боевой славы» посещают бутафорскую «партизанскую деревню»; вместо возложения цветов к Могиле Неизвестного Солдата зажигают «свечи памяти» в православном храме и ищут воевавших предков в электронной базе музея? Другими словами – как аутентичность связана с производством сакральности, а запрос на аутентичную историю характеризует современные общество и власть?

В настоящей статье я показываю, что интерес российских властей к созданию аутентичных репрезентаций войны является не просто «побочным эффектом» идеологизированного воспитания российских школьников и новым трендом в развитии внутреннего туризма. За воссозданием прошлого стоит важная задача: избавить общество от «недовольства мемориальной культурой» и предложить ему новый способ работы с прошлым (Ассман 2016). Такой опыт, с одной стороны, отвечает на растущую в эпоху модерна потребность людей самостоятельно и с опорой на собственный опыт решать, что есть историческая правда. Неприятие государственной идеологии в качестве универсального способа объяснения реальности стало следствием развития современных медиа, интернета и образования. С другой стороны, управляя формами аутентификации прошлого (среди которых и исторические парки), власть сохраняет контроль за предлагаемым обществом историческим контентом (Sabrow and Saupe 2025). При этом аутентичность прошлого, или историческая аутентичность, наряду с характерными для нее эффектами (например, наряду с эмоциональной вовлеченностью посетителей в описываемую историю, с работающим на формирование позитивной национальной идентичности фокусом репрезентаций), способны порождать и непредвиденные ранее смыслы, выпадающие из концепции создателей.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическую базу исследования составляет корпус открытых материалов, позволяющих реконструировать как институциональные способы репрезентации прошлого, так и их восприятие посетителями. Источники разделены на четыре группы. Первую составляют официальные материалы парка «Патриот»: сайт, опубликованные на нем материалы (буклеты, прейскуранты и редакции Устава парка 2019 и 2025 годов), а также портал музейного комплекса «Дорога памяти». Вторую группу образуют государственные и военные медиа, освещавшие создание и деятельность парка, – прежде всего РИА «Новости», официальный сайт Правительства Московской области, Российское агентство правовой и судебной информации и видеоматериалы Телеканала «Звезда» на платформе YouTube. Для анализа дискуссий вокруг строительства православных объектов привлекались публикации церковных СМИ и официальные ресурсы Русской православной церкви. Третью группу составляют отраслевые публикации, посвященные техническому устройству интерактивных экспозиций, включая материалы сообщества AVclub.pro, Inavate

и компаний, являющихся поставщиками мультимедийного оборудования, а также туристический путеводитель «Geomerid» (<https://geomerid.com>), использованный для реконструкции экскурсионных маршрутов. Наконец, четвертую группу образуют отзывы посетителей, размещенные на платформе «Яндекс Карты» о парке в целом и его ключевых объектах (Танковом музее, Партизанской деревне, Центре военно-тактических игр, музее «Дорога памяти»). Поскольку официальная статистика посещаемости отсутствует, количество отзывов и агрегированные оценки рассматриваются как косвенные показатели общественного интереса к отдельным объектам.

Разнородность корпуса обусловлена исследовательской задачей. В настоящей работе аутентичность рассматривается не как объективное свойство исторических объектов, а как результат взаимодействия между институциональными акторами, конструирующими определенные версии прошлого, и посетителями, интерпретирующими и присваивающими эти репрезентации. Такой подход требует одновременного анализа официального дискурса, сопровождающей его медийной инфраструктуры и пользовательских практик восприятия.

Формирование корпуса осуществлялось по принципу «снежного кома». Отправной точкой служили официальные ресурсы парка, от которых последовательно прослеживались ссылки на государственные СМИ, подрядчиков, представителей Министерства обороны и Правительства Московской области, а также связанные с парком публикации в новостных базах и на платформе YouTube. В корпус включались материалы, опубликованные с момента начала строительства парка в 2014 году и на момент завершения исследования, что позволило проследить эволюцию институционального дискурса на основных этапах становления и развития комплекса. Корпус пользовательских отзывов формировался отдельно путем сплошного просмотра наиболее релевантных и высоко оцениваемых отзывов по каждому объекту. Такой способ отбора был выбран не для получения статистически репрезентативной выборки, а для выявления наиболее устойчивых и повторяющихся способов описания опыта посещения. Все электронные источники зафиксированы с указанием даты обращения; для материалов, впоследствии измененных или удаленных, указана дата первого обращения.

Основными методами исследования являются тематический анализ кейсов и анализ дискурса. Анализ проводился в трех измерениях. Во-первых, исследовались способы конструирования аутентичности. Анализовалось, каким образом официальные тексты определяют, какие объекты парка рассматриваются как исторически подлинные, какие характеристики используются для их легитимации и каким образом эти представления воспроизводятся или оспариваются посетителями. Особое внимание уделялось различию между подлинными историческими артефактами (например, образцами советского стрелкового оружия) и реконструированными или декоративными объектами, такими как постройки Партизанской деревни.

Во-вторых, анализировались нарративные стратегии репрезентации Великой Отечественной войны (прежде всего в экспозиции музея «Дорога памяти» и в официальных описаниях других объектов парка). Рассматривалось, какие события

и сюжеты оказываются в центре повествования, каким языком описывается война, какие формы героизации, травматизации и сакрализации используются при построении исторического нарратива.

В-третьих, исследовалась организация исторической хронологии и лежащие в ее основе принципы отбора событий и выстраивания причинно-следственных связей. Особое внимание уделялось тому, каким образом история войны структурируется в музейном пространстве и какие представления о ее логике и ключевых этапах формируются у посетителя. Для выявления специфики исторического нарратива парка «Патриот» экспозиция музея «Дорога памяти» сопоставлялась с нарративными решениями других современных музеев, посвященных Второй мировой войне. Такое сравнение позволило определить особенности предлагаемой парком версии прошлого, а также проследить ее преемственность и расхождения с другими современными музейными интерпретациями.

АУТЕНТИЧНОСТЬ КАК АНАЛИТИЧЕСКАЯ РАМКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

В статье я использую концепт аутентичности в качестве аналитической категории для исследования политики памяти в современном российском обществе. Исследовательская традиция, развивавшаяся в рамках *memory studies*, длительное время была сосредоточена на институциональных акторах памяти и способах мобилизации прошлого в целях легитимации власти в настоящем. Данные подходы фиксируют ключевую роль производителей памяти, однако нередко маргинализируют тех, кто взаимодействует с репрезентациями прошлого – интерпретирует, принимает или отвергает их (Hoskins 2018; Taylor 1991). Концепт аутентичности позволяет сместить аналитический фокус с производства памяти отдельными акторами (политиками, институтами, публичными фигурами) на отношения субъектов с прошлым, включая практики оценки, признания и оспаривания исторических репрезентаций (Sabrow and Saure 2025). В этом смысле стоит особенно отметить, что аутентичность не является внутренним свойством объектов или нарративов прошлого, но представляет собой специфический современный режим отношения к прошлому, основанный на рефлексивности, выборе и оценке достоверности (Berman 1972; Orvell 1989; Saure 2016; Umbach and Humphrey 2018).

В более широком теоретическом контексте аутентичность понимается мною как исторически изменчивый и социально сконструированный идеал, а не как фиксированная ценность. Она не предполагает «восстановление объективного прошлого», но возникает в результате интерпретативных и политических конфликтов вокруг того, что считается подлинным и достоверным (Huysen 2003; Lindholm 2008).

Методологически использование аутентичности как инструмента аналитической оптики позволяет рассматривать политику памяти в качестве поля взаимодействия власти и субъективности. Государственные проекты памяти стремятся утверждать авторитет через производство аутентичного прошлого посредством материальной реконструкции, технологического опосредования и аффективного

погружения (Saure 2016; Wang 1999). Однако эти стратегии зависят от готовности индивидов признавать, присваивать или оспаривать подобные утверждения (Jenkins 2006; MacCannell 1973). Таким образом, аутентичность функционирует как результат взаимодействия между производителями и потребителями памяти.

Исторически аутентичность в большей степени связывается с материальными объектами, пространствами и телесным свидетельством, чем с текстуальной интерпретацией (Nora 1989). Этим объясняется особый статус судебных и следственных практик, где материальные доказательства, институциональные ритуалы и свидетельские показания формируют наиболее убедительные режимы производства истины (Hansen et al. 2021:9; Jones 2025). Важную роль здесь играет фигура очевидца, чье переживание выступает гарантом достоверности (Wieviorka 2006). На этом фоне судебные процессы о признании актами геноцида преступлений нацистов 80-летней давности, которые проходили в России в период с 2020 по 2024 год, весьма показательны. Их смысл заключался в придании убедительности государственной версии истории Великой Отечественной войны (а вместе с этим и своей позиции по освещению войны текущей). Приглашая представителей общественности включиться в экспертизу, привлекая к участию в процессах историков, поисковиков и свидетелей, власть призывала общество убедиться, что открываемые на процессах факты аутентичны и позиция власти состоит не в том, чтобы навязать определенную идеологию, а в том, чтобы открыть правду такой, какая она есть. Причем, как уже было отмечено, это относится и к войне минувшей, и к той, что ведется сегодня. Таким образом, заботясь о воссоздании аутентичности, власть легитимирует определенную историческую экспертизу и оберегает ее от возможного будущего пересмотра, то есть создает вокруг темы войны ореол сакрального знания.

С этой точки зрения те акторы, которые определяют границы аутентичности (то есть решают, какие именно события подлежат реконструкции, какие свидетельства считаются легитимными и какие интерпретации становятся публично значимыми) выступают ключевыми агентами исторической политики (Saure 2016; Umbach and Humphrey 2018). Однако их роль для публики обычно остается скрытой, поскольку создаваемая ими интерпретация маскируется эффектом «раскрытой истины», что соответствует логике «закулисья» туристической и мемориальной репрезентации в понимании Дина Макканелла (MacCannell 1973:589–593).

Описанная аналитическая рамка позволяет рассматривать аутентичность не как свойство исторических объектов, а как режим взаимодействия между субъектами, институциями и репрезентациями прошлого. В этом ключе память выступает не только как система нарративов, но как поле практик, в которых аутентичность производится, распределяется и потребляется.

Именно поэтому эмпирическим материалом для настоящей работы является парк «Патриот» – масштабный мемориально-туристический комплекс, в котором аутентичность выступает центральным принципом организации пространства и опыта. Он представляет собой инфраструктуру производства исторической достоверности через переживаемый туристами опыт. Парковые аттракционы рассчитаны на иммерсивную модель взаимодействия посетителей с прошлым, то есть

модель, в которой знание о войне не столько сообщается, сколько переживается. «Патриот» может быть описан как пространство аутентификации, где государственные и институциональные акторы стремятся репрезентировать само прошлое за счет имитаций и копирования объектов и организовать условия, при которых посетители сами производят и потребляют эффект его подлинности. Это соответствует переходу от режима «представления истории», где посетителю предлагается исторический нарратив, к режиму «переживания истории», где история смещается из области экспертного знания в область телесного и аффективного опыта, выдаваемого за аутентичное переживание прошлого (MacCannell 1973; Saure 2016; Wang 1999).

Ключевая задача статьи заключается не в том, чтобы показать несоответствия репрезентации войны в парке «Патриот» исторической реальности, а в том, чтобы объяснить, какие механизмы делают возможным восприятие представленной государством версии как аутентичной, истинной истории войны. Здесь особенно значимым становится сочетание материальной реконструкции (музейные объекты, имитация боевых пространств, экспозиции техники), технологической медиализации (иммерсивные залы, мультимедийные эффекты в музее) и ритуализированных форм участия (экскурсии, реконструкции, церемонии поминовения). Эти элементы формируют то, что в рамках теории аутентичности можно обозначить как «перформативный режим достоверности» – ситуацию, в которой подлинность возникает из переживаемого эффекта присутствия. В этом смысле парк «Патриот» функционирует как институционализируемая форма аутентификации истории, где граница между знанием и опытом целенаправленно размывается.

С точки зрения производства аутентичности особенно важно, что подобные пространства не просто транслируют готовые исторические смыслы, но структурируют способы их восприятия. Посетитель, участвуя в аттракционах (будь то стрельба из винтовки времен Великой Отечественной войны или игра в «войнушку» в аутентичных окопах), оказывается включен в ситуацию, где историческая истина не объясняется, а «раскрывается» через игру, телесную вовлеченность. Это соответствует описанной Макканеллом логике туристической достопримечательности как сцены, где «закулисье» производства репрезентации скрыто, а «первый план» представлен как непосредственная реальность прошлого (MacCannell 1973:589–593).

Таким образом, легитимность производимой в парке «Патриот» исторической репрезентации основана не столько на ее проверяемости или академичности интерпретации, сколько на способности создавать для участников действия и посетителей устойчивый эффект переживаемой подлинности, вполне сопоставимый с переживанием сакрального (Элиаде 2000). Иначе говоря, власть в лице организаторов парка хотя и контролирует исторический нарратив, отбирая для исторической репрезентации только отдельные позитивно характеризующие СССР страницы Великой Отечественной войны, но предпочитает воздействовать на посетителя не прямо (указывая, как следует понимать войну), а через организацию инфраструктуры, в которой субъект сам приходит к выводу об «аутентичности» узнаваемого.

АУТЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ ПРЕДЕЛЫ В СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ КОНТЕКСТЕ

В послевоенном Советском Союзе представления об аутентичности Великой Отечественной войны формировались параллельно с аналогичными процессами в Западной Европе, однако опирались на иные идеологические и эпистемологические основания (Verdery 1991; Yurchak 2006). Аутентичность не совпадала с историчностью: если историческое письмо требовало идеологического обрамления, то аутентичность связывалась прежде всего с материальной точностью, реставрационной достоверностью и корректностью воспроизведения объектов прошлого, которые рассматривались как каналы доступа к истории вне нарративной интерпретации (Golubev 2020; Kelly and Shepherd 1998).

Исходя из этого аутентичность понималась не как открытость множественным интерпретациям, а как управляемый режим доступа к «материальной истине» прошлого (Cohen 2004). В СССР Великая Отечественная война также конструировалась не как завершённое прошлое, а как продолжение настоящего, включённое в идеологический режим советской публичности. Официальные интерпретации аутентичного прошлого были направлены не столько на мемориализацию утраты – сохранение памяти о погибших, сколько на подтверждение исторической и моральной правоты социалистического проекта через победу (Tumarkin 1994).

Ключевым механизмом производства аутентичности выступал социалистический реализм, который задавал эстетические и эпистемологические границы исторического знания (Воронина 2018). Создавая master plot главных исторических нарративов о советском прошлом, он предполагал четкие требования к выбору тем репрезентаций, характеру протагонистов, описанию врагов и фигур политического и военного руководства (Clark [1981] 2000). Все, что соответствовало этому канону, считалось истинным. Все, что в него не вписывалось, – ложным и работающим на нужды вражеской капиталистической пропаганды. В результате этого, например, данные о численности погибших в годы войны и блокады интерпретировались в СССР в зависимости от созданной в рамках соцреализма концепции, то есть как доказательство героизма жителей, готовых пожертвовать жизнью ради победы, а не как спровоцированная военными действиями катастрофа городского управления, с которой на первых порах оказалось не в состоянии справиться советское руководство (Воронина 2018). При этом фигура героя-протагониста играла в этой конструкции главную роль.

В отличие от западной модели памяти о катастрофах, в которой центральное место занимала фигура жертвы, советский нарратив интегрировал погибших в сообщество победителей, стирая грань между героями и жертвами (Воронина 2017; Morina and Thijs 2018). При этом советская система воссоздания исторической аутентичности не была исключительно репрессивной. Отождествление гражданского населения с героями войны создало ограниченное, но устойчивое пространство для признанного свидетельства. Поэтому «правильно» публично вспоминающие о войне представители общества ленинградских блокадников, созданного в 1968 году, всегда получали институциональную поддержку от государства (Voronina 2021; Wachter 2022). То есть личный опыт свидетеля войны в СССР при-

обрел статус доказательства и был широко востребован, например в формате встреч ветеранов со школьниками. В советской системе создания аутентичности цензура функционировала как механизм селективной легитимации: отфильтрованные личные свидетельства включались в официальный канон памяти.

Данная конфигурация вошла в кризис в период перестройки, когда идеологические основания советской исторической истины были подорваны, а доверие к официальным нарративам резко снизилось (Merridale 2001; Tumarkin 1994). Требование «восстановления исторической правды» стало важнейшей формой политической критики, направленной против цензуры и государственной монополии на прошлое в 1990-е годы (Malinova 2017, 2022). В этот период на власть и создание своей аутентичной истории прошлого стали претендовать новые гражданские акторы, опиравшиеся на разоблачение ранее скрытых фактов и указывавшие на избирательность советской системы.

Одновременно память о Великой Отечественной войне все отчетливее обрела черты «сообщества травмы», где объединяющим моментом выступала не героика войны, а опыт утраты и страдания (Bogumił and Voronina 2023; Oushakine 2009). К началу 2000-х годов в России проявились новые акторы памяти, включая Русскую православную церковь, движения так называемых поисковиков и реконструкторов, которые предлагали собственные версии прошлого и особенные системы его аутентификации (Павловская 2023; Bogumił and Voronina 2023).

Параллельно с этим советское прошлое постепенно переосмыслялось как культурное наследие, а не как идеологическая система. Как отмечает Илья Калинин, анализируя особенности празднования в России юбилея русской революции, современная российская историческая политика ориентирована не на восстановление советского прошлого, а на его перекодирование: ностальгия превращается в ресурс патриотической идентичности, в рамках которой «советское» утрачивает историческую специфику и включается в более широкий гетерогенный культурный континуум (Kalinin 2011). Это объясняет сосуществование героизации победы в войне и признания репрессивного опыта, а также отсутствие единого интерпретационного режима в постсоветской политике памяти. С этого момента можно говорить о том, что аутентичность смещается от интерпретационного авторитета к материальности и практикам переживания.

Этот сдвиг выразился, в частности, в возросшем значении движений, связанных с поисковой работой и материальной реконструкцией войны. Движение «Поиск», занимающееся поиском останков солдат и артефактов военного времени, было институционализировано в 2013 году как всероссийское общественное движение и включено в систему военно-патриотического воспитания (Гончарова и Ясавеев 2020; Еремеева 2021). Отдельные поисковые отряды, впрочем, существовали с 1960-х годов, но до образования всероссийского движения в 2013 году они занимались маргинальными, с точки зрения государства, инициативами (Dahlin 2018). Параллельно с этим в стране развивались проекты реконструкции и создавались новейшие иммерсивные экспозиции (включая проекты историко-художественной мастерской «Невский баталист», детально восстанавливавшей «секунду боя» в масштабных павильонах), в которых аутентичность определяется

через сенсорный реализм, материальное присутствие и визуальное погружение, а не через текстовый нарратив.

Опираясь на эпистемологию поискового движения, такие практики противопоставляют «материальную правду» войны академической историографии, воспринимаемой как идеологически опосредованная и неактуальная (Гончарова и Ясавеев 2020; Еремеева 2021; Dahlin 2017, 2018). По мере исчезновения поколения очевидцев поисковики и реконструкторы все чаще занимают позицию главных носителей экспертного знания о войне. Однако, несмотря на натуралистическую эстетику, эти реконструкции по-прежнему воспроизводят селективный канон памяти, фиксируя лишь отдельные эпизоды одобренных властью военных событий и исключая более проблемные аспекты военного опыта.

Таким образом, аутентичность в постсоветском контексте не выступает альтернативой политическому контролю над прошлым. Напротив, она становится его современной модальностью – смещением от управления интерпретацией к управлению режимами переживания, в которых историческая истина производится как эффект опыта, телесного присутствия и эмоционального вовлечения.

ВОЙНА НА ОЩУПЬ: ИММЕРСИВНЫЕ И ИГРОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА ПАРКА «ПАТРИОТ»

Реализуя задачу популяризации военной службы (актуальность которой особенно возросла после 2014 года на фоне аннексии Крыма, войны с Украиной и обострения конфронтации с НАТО), парк «Патриот» становится одним из ключевых пространств этой новой логики аутентичности. Его развитие определяется не только политическим заказом, но и более широкой установкой на воссоздание военной материальности и организацию опыта «соприкосновения» с Великой Отечественной войной. Центральные экспозиции посвящены советскому и российскому вооружению, а сам парк тесно связан с деятельностью «Юнармии», созданной в 2016 году и ориентированной на патриотическое воспитание молодежи. Кроме этого, «Патриот» становится пространством, где реализуется поколенческий запрос на войну: поколение, не видевшее Великой Отечественной войны, может получить представление о ней предлагаемыми в парке средствами.

В этой логике аутентичность прошлого перестает функционировать как свойство исторического нарратива и выступает как технология организации переживания прошлого. Она реализуется через два взаимосвязанных режима. Первый связан с материальной и сенсорной аутентификацией войны, он работает с артефактами. Неслучайно центральное место в парке «Патриот» занимает взаимодействие посетителей с материальными объектами военного времени, прежде всего с образцами советского оружия, представленными на Музейной площадке № 1 и в Танковом музее. При этом ключевым в знакомстве посетителей с военной материальностью становится телесное «вовлечение в войну»: посетители не только изучают оружие, но прикасаются к нему, используют его. «Армейские тренажеры» позволяют «ощутить себя летчиком, танкистом, капитаном корабля», в Танковом музее посетители могут попробовать управлять техникой («покататься

на танчиках»), в Многофункциональном огневом центре и Центре военно-тактических игр – пострелять в цели «безопасно и реалистично» из снайперской винтовки Мосина или пулемета Дегтярева⁸. Оружие в этом случае функционирует не как предмет для объяснения прошлого, а как инструмент производства телесной вовлеченности, через которую возникает эффект непосредственной «очевидности» прошлого.

Впрочем, как показывают отзывы на картах «Яндекса», посетители воспринимали «мемориальный аспект» предлагаемых в парке тренажеров скорее как антураж, развлекательные аттракционы, так что популярные лазертаги, стрельба из оружия оценивались не как способ осмысления войны через стрельбу, но как не связанное с нею действие. Вот отзыв одной из посетительниц:

Очень классное место!!! На день рождения ребенка (9 лет) возили их на игру «прорыв». Боялись, что будет не интересно, так как из-за сезонных ОРВИ смогли приехать только 4 ребенка. Но совершенно напрасно. Дети в восторге. Полоса препятствий, стрельба из Калашникова и лазертаг в декорациях города. Дорогие декорации, приветливый персонал и чистые раздевалки. Просто молодцы!⁹

Интересно, что благодаря игровому подходу, стрелковое оружие, являющееся собственно орудием убийства, не воспринимается посетительницей как опасность, источник бедствий. Едва ли родители стали бы праздновать в парке день рождения ребенка, если бы ситуация была максимально приближена к военной. То есть «аутентичность автомата Калашникова» в данном случае служит доказательством войны как приключения, скрывая настоящие ее последствия – причиненные стрельбой смерти и ранения.

Второй режим аутентификации связан с игровым и ролевым воспроизведением войны. В отличие от первого, где аутентичная материальность была создана в одно время с событием или активно использовалась в войну и «несла отпечаток» ее, второй режим полностью основан на муляжах и подражании. Здесь принципиально важно, что участие в военных сценариях доступно не только реконструкторам и профессиональным участникам – военным, приглашенным на военно-спортивные игры или для демонстрации новых видов вооружений во время форумов, – но и широкой публике, включая детей и подростков. Центр военно-тактических игр предлагает в качестве развлечения лазертаг в исторических декорациях, прохождение полосы препятствий и символическое «водружение флага над Рейхстагом» – макетом, воспроизводящим архитектурные пропорции исторического здания (Центр военно-тактических игр 2025). На «Поле

⁸ См. буклеты «Музейная площадка № 1» и «Центр военно-тактических игр» на сайте парка «Патриот» в соответствующем разделе, просмотрено 26 сентября 2025 г., <https://parkpatriot.ru/o-parke/booklets>.

⁹ «Яндекс Карты», Центр военно-тактических игр парка «Патриот», Инкогнито 6685, 8 января 2025 г., https://yandex.com/maps/org/1787132753/reviews?reviews%5BpublicId%5D=yguk0mb188xrr2j4jng07bz4mg&utm_source=review.

Победы» (оно расположено перед храмом) реконструкторами воссоздаются сцены боев за деревни Акулово и Юшково, а в прочее время участником этих боев, солдатом, может почувствовать себя каждый посетитель, хотя бы сфотографировавшись в специально оборудованных для этого зонах. Воссозданные пропорции здания Рейхстага и «раскопанное» поисковиками «Поле Победы» влияют на пространственные представления участников. Пригибаясь в импровизированных окопах и взбираясь на высоту четырехэтажного «Рейхстага», посетители ассоциируют свой личный опыт, ощущения с восприятием солдат времен войны, что позволяет как бы воссоздавать общий для тех и других опыт.

Еще одним элементом этой игровой логики является объект под названием «Партизанская деревня». Это иммерсивный комплекс, моделирующий советское партизанское поселение и предназначенный в том числе для занятий с юнармейцами и школьниками. В отличие от других типов объектов, представленных только в московском парке, «партизанские деревни» являются обязательным элементом всех прочих подобных парков в стране (Нельзина и др. 2019). Комплекс в одицовском «Патриоте» включает реконструированные землянки, штабные и хозяйственные постройки, включая «школу диверсанта», «типографию» и «красный уголок» (Нельзина и др. 2019:188). Как подчеркивается в описаниях, пространство функционирует как образовательный и туристический комплекс, в котором историческая реконструкция наделяется досуговыми функциями, объект предполагает семейное посещение.

Высокая степень исторической детализации этих игровых пространств, копирование вызывает сочетание элементов старого и нового. Однако в рамках принятого в парке режима аутентичности это противоречие не проблематизируется. Поэтому элементы стилизации и бутафории, включая так называемый живой уголок (загон для животных) и гастрономические реконструкции фронтовой кухни (со вкусной кашей и соками для детей) воспринимаются посетителями как часть убедительного и нестрашного опыта погружения. Это смещение фиксируется в пользовательских оценках, где ключевым критерием становится не историческая точность, а интенсивность переживания и эмоциональная вовлеченность. Как писал Чарльз Линдхолм, «в исторических тематических парках посетители хотят верить, что то, что они видят, настолько подлинно, насколько это возможно, принимая во внимание современные потребности в комфорте и безопасности», «туристы не платят за то, чтобы им напоминали, что история нестабильна и случайна» (Lindholm 2008:47). Впрочем, ряд комментаторов, оставивших на «Яндекс Картах» отзывы о посещении, указывали на несоответствия: «[Партизанская деревня] больше похожа на немецкую деревню, хотелось бы больше реалистичности»¹⁰.

Музей «Дорога памяти» еще активнее эксплуатирует идею вживания посетителя в историю. Технологические возможности позволяют здесь совершить кинематографическое путешествие во времени посредством иммерсивных пространств (именно этот вид музейной мультимедийной среды наиболее последовательно

¹⁰ «Яндекс Карты», Партизанская деревня, Ovchinnikova Natalia, 5 мая 2022 г., https://yandex.com/maps/org/240916394337/reviews?reviews%5BpublicId%5D=w00wujr2bw2uf573vqvqahk8a4&utm_source=review.

представлен в музее «Дорога памяти») («Грандиозный проект» 2020). Здесь знание уступает место производству опыта: фото-, аудио- и видеоматериалы, включая хронику (см. «Memory Lane Museum», n. d.), звук и 3D-проекции формируют эффект сенсорной достоверности. Технически это достигается за счет использования радиусных экранов, диорам, благодаря сценариям полного погружения, где визуальное поле разворачивается вокруг посетителя, как в залах «На защите неба над Москвой», «Оборона Севастополя», «Битва за Днепр», «Операция “Багратион”» и «Штурм Рейхстага». В других пространствах (залы «Курская битва», «Море в огне») посетитель помещается в реконструированные ситуации, а голографические и мультимедийные залы («Подвиг военных медиков», «Партизанское движение», «Контрразведка») соединяют материальные объекты с цифровыми реконструкциями. Таким образом, музей производит режим чувственной вовлеченности, в котором прошлое переживается как непосредственная реальность (MacCannell 1973).

Несмотря на то, что в целом музей концептуально опирается на каноническую советскую топографию войны (Москва, Брест, Ленинград, Сталинград), закрепляя институционализированную версию хронологии, иммерсивный формат переводит этот нарратив из области интерпретации в область переживания. В результате складывается форма аутентичности, основанная не столько на доверии к историческому нарративу, сколько на телесном опыте: война здесь не рассказывается, а переживается, и именно это переживание становится ключевым механизмом легитимации представленной тут же текстовой информации.

Таким образом, аутентичность в пространстве парка «Патриот» функционирует на пересечении материальной реконструкции, телесного участия и игрового взаимодействия. При этом характерно, что реконструируются преимущественно сценарии побед и успешных операций, тогда как опыт поражений и травматические аспекты войны оказываются исключены из репрезентации. Это делает производимую военную аутентичность не универсальным режимом исторического знания, а весьма селективной технологией переживания прошлого, что, по сути, закрепляет уже имеющуюся государственную интерпретацию войны как блестящей победы страны и ее руководства над врагами.

Впрочем, соприкасаясь с создаваемыми устроителями парка образами войны, посетители неоднозначны в оценках, восприятие увиденного сильно различается в зависимости от имеющихся бэкграунда и знаний. Вот как сформулировал это Александр Крыловский, посетивший парк в июне 2021 года:

Честно говоря ожидал чего-то более значимого если честно... Не, с точки зрения молодых ребят там все хорошо, интересно, землянка, блиндажи, штаб ну и т.д. Можно отведать партизанской каши...))) за кадром остался момент размещения такого объекта глубоко в тылу врага, все более или менее на показ. Нет именно колорита партизанщины... Поэтому оценка только 4 звезды¹¹.

¹¹ «Яндекс Карты», Партизанская деревня, Крыловский Александр, 15 июня 2021 г., https://yandex.com/maps/org/240916394337/reviews?reviews%5BpublicId%5D=f43h1etqbn8930b1b5vc59tk0&utm_source=review.

Подобные формы «игровой истории» не являются уникальным российским феноменом и находятся в русле глобальной культуры иммерсивных и цифровых развлечений, однако в данном случае они включены в специфический политико-мемориальный контекст. В результате аутентичность приобретает двойственную функцию: с одной стороны, она обеспечивает эмоциональную вовлеченность и эффект непосредственного доступа к прошлому; с другой – структурирует этот доступ таким образом, что фактически доступной оказывается исключительно нормативно санкционированная версия истории. Из оружия стреляют в «плохих врагов», а не в мирных жителей; в «партизанской деревне» едят вкусную кашу, а не картофельный жмых. Заявленная таким способом историческая аутентичность оказывается хотя и детально воспроизведенной, но весьма избирательной, «однобокой» и отражающей лишь одну из возможных интерпретаций, к тому же весьма выгодную как для власти (поскольку она демонстрирует «настоящую» войну), так и для корпорации военных, подогревающих интерес к службе в армии благодаря такому лакированному образу войны – без смерти, голода и насилия.

Впрочем, избирательный характер подобной военной аутентичности не остался незамеченным не только некоторыми посетителями, но и политиками. Так, возведение бутафорского здания Рейхстага в парке «Патриот» в 2017 году вызвало протесты со стороны ряда германских политиков, назвавших создание такого «аттракциона» политической провокацией («Минобороны отреагировало на критику» 2017).

ПУНКТ ПОСТОЯННОЙ ДИСЛОКАЦИИ БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА: МУЗЕЙ «ДОРОГА ПАМЯТИ»

Если иммерсивные и игровые пространства парка «Патриот» производят аутентичность через телесное вовлечение и участие в сценариях войны, то музей «Дорога памяти» представляет собой следующий этап той же логики – переход от переживания к сакрализации. Этот объект занимает особое положение внутри музейно-храмового комплекса. Он сочетает функции государственного мемориального музея и православного храма. Его статус «музея-памяти» усиливается соседством с храмом в честь Воскресения Христова, который придает всему комплексу и воспроизводимому в нем знанию сакральный характер и переводит историческую репрезентацию в религиозно-ритуальную плоскость, тем самым указывая на особенный статус знания о войне и оберегая предлагаемую концепцию от внешних интерпретаций.

Музей «Дорога памяти» является филиалом Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации и был возведен, как и все объекты парка, при участии Министерства обороны. Его концепция разрабатывалась специалистами Научно-исследовательского института Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (Басик 2021:70). Музей представляет собой ансамбль галерейного типа длиной около полутора километров, включающий 34 галереи и 35 экспозиционных залов¹². Согласно официальному описанию, он

¹² См. официальный сайт проекта «1418. Дорога памяти», просмотрено 26 сентября 2025 г., <https://1418museum.ru>.

призван «увековечить имена всех участников военных действий, дать посетителям возможность пройти свои 1418 шагов к победе» («Грандиозный проект» 2020). Уже на уровне архитектуры музеев переводит историю войны в телесную форму движения: знание о войне приобретается через преодоление пространства. Дополнительный ритуальный эффект – возможность зажечь свечу в память о погибших родственниках, и это превращает посещение музея не просто в музейную экскурсию, а в форму индивидуализированного поминовения, встроенного в организованную государством мемориальную инфраструктуру.

В отличие от иммерсивных пространств парка «Патриот», в музее аутентичность достигается не только через эмоциональное вовлечение посредством иммерсивных технологий, но также через режим архивной тотальности и визуальной персонализации. Экспозиция структурирована в соответствии с нарративом, разработанным военными историками, и воспроизводит классическую советскую модель повествования о войне как о последовательности операций и боевых действий (Басик 2021). Полное отсутствие в экспозиции социальных аспектов войны и доминирование военных сводок о движении войск, описаний и анализа диспозиций и прочая «стратегическая» информация вызывают своеобразный эффект «узнавания» предлагаемой в музее версии, это роднит ее с типично советскими нарративами. Карты передвижения войск, кинохроника, фотографии, дневники создают ткань исторического повествования, где самое важное действие происходит на полях сражения, а не в судьбах, не в душах испытывавших войну людей.

Особую роль в производстве аутентичности в пространстве музея играют звуковые технологии. Советские радиосводки военных лет сопровождают посетителя на протяжении всей экспозиции, создавая эффект акустического погружения в эпоху. Однако посетитель зачастую не отдает себе отчета в том, что звуковая аутентичность вместе со звуками фронтового вальса и зачитываемых по радио хроник передает цензурный режим советской информационной системы. Именно поэтому сводки выглядят декоративными элементами создаваемой бутафории, и на уровне чувственного опыта посетитель сталкивается не с исторической многоголосицей, а с эстетизированной формой военной пропаганды, где «правда» становится эффектом звуковой реконструкции. В то же время реалистичная передача звуков сирен, взрывов, выстрелов, перемежаемых песнями советских лет, создает эффект погружения в прошлое. Как описал свое посещение один из посетителей, «звуки, свет, интерактивы – местами пробирало до мурашек, буквально кожей чувствуешь каждый день войны... чуть слезу не пустил»¹³.

Еще один способ добиться эффекта присутствия (во многом заимствованный из музеев памяти) – обращение организаторов музея к семейной истории¹⁴: любой пришедший в музей человек может связать историю своей семьи с историей,

¹³ «Яндекс Карты», Музейный комплекс «Дорога памяти. 1418 шагов к Победе», Калининград, 2 июня 2026 г., https://yandex.com/maps/org/98259385684/reviews?reviews%5BpublicId%5D=hy5yq2mby517u152vfrmy6and4&utm_source=review.

¹⁴ Ср. база данных, содержащая сведения о жертвах Холокоста, стала частью музея «Яд Вашем» в 2004 году, <https://www.yadvashem.org/ru/archive/hall-of-names/database.html>.

рассказанной на мультимедийных экранах выставки, благодаря созданной при музее базе данных об участниках Великой Отечественной войны. Музейная база, названная, как и музей, «Дорога памяти», включает данные о советских военнослужащих, хранившиеся в базе Министерства обороны и доступные на сайте «Память народа», и новые, внесенные самими посетителями музея. Для сбора этих сведений был создан интернет-сайт: каждый желающий мог заполнить краткую анкету о воевавшем члене своей семьи и загрузить его фотографию. Как объяснил представитель Министерства обороны Рустем Клупов телеканалу «Звезда», «все архивы, которые можно уже поднять, мы уже подняли, рассекретили и поставили на всеобщее обозрение. Очень важно сейчас поднять домашние архивы, народные архивы» («О проекте Минобороны России» 2020). В настоящий момент в базе музея «Дорога памяти» свыше 34 миллионов записей – это самая полная база данных участников Второй мировой войны. Собранные сведения использовались в экспозиции музея. Говоря о новой базе, организаторы предполагали, что в нее войдет информация в первую очередь о военнослужащих, принимавших участие в войне 1941–1945 годов. Однако сайт «Дороги памяти» не объяснял кого именно можно было внести в списки, а кого – нет. Более того, в выступлениях представителей Министерства обороны, рассказывавших о проекте, указывалось, что в базу музея будут включаться не только военные, принимавшие участие в военных действиях, но и труженики тыла, узники лагерей смерти, блокадники и люди, воевавшие в рядах Советской армии в составе национальных подразделений, как, например, солдаты Войска Польского, пилоты французской «Нормандии – Неман» или испанские коммунисты (Вальченко 2020). Таким образом, уже собранный корпус сведений Министерства обороны на музейном ресурсе расширился за счет людей, ранее не включенных в российский коммеморативный проект. Новшеством было и то, что решение о внесении имени в базу данных принимали родственники, а не ведомство. Сведения, полученные таким образом, обязательно проверялись перед публикацией, однако в списки можно было внести военнослужащих, которые в советских документах проходили по категории «пропавших без вести» и на основании этого считались пленными и, с точки зрения государства, подозреваемыми в коллаборационизме (так, их родственникам не выплачивались пенсии по потере кормильца или «похоронные»). Семьи таких военнослужащих никогда не получили от государства каких-либо компенсаций, признания, и погибшие таким образом люди официально не считались героями. Новый подход к комплектованию базы позволял решить эту проблему «в пользу» родственников пропавшего без вести, так как сведения об участнике войны валидировались с помощью учетных документов, послужных картотек, именных списков, наградных документов и медицинских архивов – эти документы «охватывают» большинство призванных на войну солдат (Боцвин и Хватков 2021).

Интересно и то, что создатели базы и музея «Дорога памяти» во всех своих выступлениях просили людей не ограничиваться только указанием имени и фамилии воевавшего родственника. Обязательным условием для внесения участника войны в базу была портретная фотография («Дорога памяти»). Министерство обороны создало сеть специальных точек в подведомственных музеях и военных ко-

миссариатах по всей стране, работники их помогали в оцифровке личных документов и оформлении сведений о погибших на войне родственниках в общей базе данных («0 проекте Минобороны России» 2020). Именно портреты участников войны должны были стать главным экспонатом – музейной «рекой времени». «Река времени» представляет собой интерактивную панель, на которой представлены сменяющие друг друга портреты участников войны. Эти изображения сопровождают посетителя на протяжении всей «дороги памяти» («Грандиозный проект» 2020). Установленные в залах дисплеи позволяют посетителю отыскать в музейной базе своих родственников и дополнить уже имеющиеся сведения о них. Тем самым личная память верифицировала предлагаемую организаторами версию войны, делая ее не просто «аутентичной», но личной историей.

Интерес к визуальности и принцип комплектования базы данных позволяет проводить прямые аналогии с проектом «Бессмертный полк», который, по меткому выражению одного из организаторов, получил в музее «Дорога памяти» «постоянную дислокацию» («0 проекте Минобороны России» 2020). С одной стороны, оцифровка материалов о войне подавалась как обретение погибшими на войне бессмертия в виде вечной памяти потомков («Грандиозный проект» 2020). С другой стороны, «Река времени» в музее «Дорога памяти» отчетливо указывает на «присвоение» властями «Бессмертного полка». «Прописав» его в главном военном мемориале, власти лишили этот проект протестного потенциала (Kurilla 2020). Отныне семейная история россиян как бы подкрепляла аутентичность предлагаемой государством версии истории. Заботясь об увековечении памяти участников войны власть присваивала себе право говорить от их имени и определять ценности для живущих через заботу о памяти мертвых.

Однако складывание портретов в общую картинку прошлого могло пониматься и совершенно противоположным образом: например, показывать ничтожность человеческой жизни на фоне большого исторического полотна. Как писали исследователи визуальности Оксана Саркисова и Ольга Шевченко, советские архивы имеют свойство быть «считанными» совершенно по-разному в зависимости от опыта и знаний смотрящего архив (Sarkisova and Shevchenko 2023:74). Наконец, важно отметить и то, что база содержит изображения как ныне живущих, так и погибших на войне и умерших после войны. Все эти люди оказываются объединены в одну героическую общность, что, в общем, вполне в духе советской версии коммеморации войны.

Таким образом, если в советской системе право на историческую интерпретацию принадлежало государству, то в постсоветской конфигурации оно формально распределяется между государством и гражданами, однако в рамках заранее заданной инфраструктуры верификации. Семейная память не противопоставляется государственной версии истории, а включается в нее как «подтверждающий» ресурс. Контролируя принципы работы базы данных и критерии зачисления в «официальные герои», в частности расширяя их таким образом, чтобы в числе официально признанных героев оказались новые группы граждан, власть тем самым решает сразу две задачи: удовлетворяет давний запрос «поисковиков», стремившихся присоединить к героической общности неопознанных погибших, до сих

пор остававшихся в числе «пропавших без вести», и показывает свою готовность реагировать на запросы общества – в своем стремлении к воссозданию аутентичности власть согласна идти на изменение советского канона, хотя бы отчасти и в весьма незаметной для обывателя манере.

«ГОРСТЬ ПАМЯТИ»

Наконец, важным элементом сакрализации пространства здесь является ритуал освящения пространства музея, который также имел выраженный нерелигиозный характер. Это происходило с использованием советского ритуала перезахоронения останков погибших солдат, что снова отсылает к практикам поискового движения. 22 июня 2019 года, в День памяти и скорби, во всех регионах России прошла акция «Горсть памяти». В этот день с воинских захоронений и братских могил России, а также из тех стран, где сохранились захоронения советских солдат, представители военкоматов и городских администраций брали горсть земли, помещали ее в специальные «солдатские кисеты», а затем направляли в парк «Патриот» («Военно-патриотическая акция» 2019). Собранную таким образом землю доставили более чем из 16 тысяч воинских захоронений на территории России и из 43 иностранных государств. Годом позднее, 26 марта 2020 года в парке «Патриот» состоялась торжественная церемония закладки этих кисетов с землей в латунные артиллерийские гильзы в историко-мемориальном комплексе «Дорога памяти» при Главном храме Вооруженных Сил Российской Федерации. Таким образом парк «Патриот» обрел собственный мемориал – своего рода «сборную» Могилу Неизвестного Солдата.

Этот ритуал придал месту, где расположен музей, статус особенного, хранящего останки защитников Отечества¹⁵. В результате территория музейно-храмового комплекса оказалась выделенной из пространства парка как наиболее «аутентичная» и сакральная зона: в основании музея помещены капсулы с останками погибших героев, в музее символически расквартирован «бессмертный полк» и сохраняется священная память, в то время как в храме обретают бессмертие души погибших воинов. Так, аутентичность оказалась воплощена одновременно в военной материальности, цифровом архиве и религиозной символике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Игры с аутентичностью в осмыслении прошлого, настоящего и будущего страны характерны не только для России. Будучи прямым следствием модерности, они востребованы во всем мире: везде создаются исторические парки, этнографические музеи под открытым небом и устраиваются исторические реконструкции. Современные «музеи памяти» – прямое продолжение той же тенденции. Как отмечали музейные антропологи Лариса Никифорова и Елена Волкова, европейские «музеи памяти» также функционируют как «сакральные пространства нового

¹⁵ См. об акции сообщение в разделе «Новости» от 19 декабря 2020 г. на сайте Музейного комплекса «Дорога памяти», <https://1418museum.ru/news/gorst-pamyati>.

типа – храмы демократии», где аутентичность достигается через опосредованные формы репрезентации и направлена на формирование рефлексивного этического опыта (Никифорова и Волкова 2022:62). Однако в западных мемориальных практиках, прежде всего в музеях, посвященных Холокосту, это выражается в этической педагогике сопереживания и воспитания ответственности, в то время как в случае парка «Патриот» историческая аутентичность имеет иные функции. Если в «музеях памяти» посетители, «воссоединяясь с прошлым», призваны сопереживать жертвам, то в парке «Патриот» – радоваться победе в войне и верить в славу русского оружия. В этом случае аутентичность производит эффект патриотического переживания. При этом речь не идет о прямом идеологическом «переписывании» истории; наоборот, организаторы пространств парка формируют такие режимы взаимодействия с прошлым, в которых посетитель как бы самостоятельно обретает возможность узнать, что и как было на самом деле. Устроители избегают явного и легко считываемого участия в этом процессе экспертов и политиков. История Великой Отечественной войны в этом контексте понимается не как определенным образом описанная реальность, опирающаяся на советскую историческую концепцию, но как восстановленная поисковым движением и реконструкторами правда, освященная Русской православной церковью.

Аутентичность в данном режиме конструируется через материальность, ритуальность и телесное участие: доступ к оружию, участие в реконструкциях, иммерсивные сценарии, цифровые мемориальные базы и практики коллективного поминовения. Война при этом перестает быть объектом нарратива и становится новым опытом, который достигается через присутствие посетителя в определенном пространстве. Историческое знание о прошлом возникает у него в результате эмоциональной и телесной вовлеченности. Тем самым меняется эпистемологическая основа исторического опыта: от объяснения и дистанции – к переживанию и участию. Даже при отсутствии предварительной подготовки (чтения учебника или просмотра кинофильма о войне) всякий приехавший в парк турист оказывается способен выносить суждения о событиях прошлого, опираясь исключительно на впечатления от иммерсивной среды.

В то же время такая форма работы с прошлым порождает побочные эффекты. Реалистическая репрезентация войны неизбежно включает образы насилия, разрушения и смерти, что может вызывать не только патриотическую мобилизацию, но и страх, отторжение или эмоциональную перегрузку. Иммерсивные пространства также пересекаются с визуальными кодами массовой культуры и игрового опыта, что дополнительно усложняет режим восприятия. Для кого-то парк «Патриот» слишком развлекательный, чтобы быть правдивым. В этом смысле аутентичность функционирует не как закрытая идеологическая конструкция, а как открытая технология производства смыслов, не всегда соответствующих запросу организаторов парка.

Ключевой политический эффект этого сдвига от нарративности истории к опыту и телесности заключается в трансформации режима доверия к прошлому, а вместе с этим и к власти. Контролируя формы производства аутентичных пространств, делегируя посетителю право на «собственное» знание о прошлом,

власть как бы признает его право на собственное исследование и понимает его в качестве полноправного субъекта исторического опыта. Однако это признание носит амбивалентный характер и может рассматриваться как элемент иллюзии автономного восприятия прошлого, встроенного в контролируемый государством исторический контент. К тому же позиционируя себя в качестве актора, способного не идеологизировать Великую Отечественную войну, а лишь ее реконструировать, восстанавливая «как было на самом деле», власть заручается общественным доверием, крайне важным для обоснования современных интерпретаций. Уверяя посетителей в правдивости создаваемых ею иммерсивных интерпретаций прошлого войны, власть обещает, что и любая другая предоставленная ею информация правдива и ориентирована на автономию субъекта, его способность разобраться во всем самостоятельно. Однако декоративность и «сделанность» такой реальности оказываются вполне сопоставимы с аутентичностью залов музея «Дорога памяти» или муляжами Партизанской деревни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ассман, Алейда. 2014. *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.
- Ассман, Алейда. 2016. *Новое недовольство мемориальной культурой*. М.: Новое литературное обозрение.
- Ваньке, Александрина. 2015. «Ландшафты памяти. Парк Победы на Поклонной горе в Москве». *Неприкосновенный запас* 3(101):203–220.
- Воронина, Татьяна. 2017. «По-советски о блокаде: соцреализм и формирование исторической памяти о ленинградской катастрофе». С. 63–95 в *Блокадные нарративы*, под ред. Полины Барсковой и Риккардо Николози. М.: Новое литературное обозрение.
- Воронина, Татьяна. 2018. *Помнить по-нашему: соцреалистический историзм и блокада Ленинграда*. М.: Новое литературное обозрение.
- Габович, Михаил, ред. 2020. *Памятник и праздник: этнография Дня Победы*. СПб.: Нестор-История.
- Гончарова, Наталья и Искэндэр Ясавеев. 2020. «Конструирование смыслов поисковой работы в России: лейтмотивы власти и участников экспедиции». *Мир России* 29(1):153–173. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-153-173>.
- Еремеева, Светлана. 2021. *Память: поле битвы или поле жатвы?* М.: Дело.
- Никифорова, Лариса и Елена Волкова. 2022. «Музеи Холокоста. Трансформация музейного ритуала». *Международный журнал исследований культуры* 1(46):62–76. http://doi.org/10.52173/2079-1100_2022_1_62.
- Павловская, Анастасия. 2023. «Политика памяти в Санкт-Петербурге и Ленинградской области: акторы, практики, нарративы». С. 101–136 в *Политика памяти в России – региональное измерение*, под ред. Алексея Миллера, Ольги Малиновой и Дмитрия Ефременко. М.: ИНИОН РАН.
- Элиаде, Мирча. 2000. *Миф о вечном возвращении*. М.: Ладомир.
- Ashworth, Gregory J., Brian Graham, and John E. Tunbridge. 2007. *Pluralising Pasts: Heritage, Identity and Place in Multicultural Societies*. London: Pluto Press.
- Berman, Marshall. 1972. *The Politics of Authenticity: Radical Individualism and the Emergence of Modern Society*. New York: Atheneum.
- Bielo, James S. 2018. *Ark Encounter: The Making of a Creationist Theme Park*. New York: New York University Press.
- Bogumił, Zuzanna, and Tatiana Voronina. 2023. *More than Alive: The Dead, Orthodoxy and Remembrance in Post-Soviet Russia*. Berlin: Peter Lang.

- Carman, John, and Patricia Carman. 2020. *Battlefields from Event to Heritage*. Oxford: Oxford University Press.
- Cento Bull, Anna, Hans Lauge Hansen, Wulf Kansteiner, and Nina Parish. 2019. "War Museums as Agonistic Spaces: Possibilities, Opportunities and Constraints." *International Journal of Heritage Studies* 25(6):611–625. <https://doi.org/10.1080/13527258.2018.1530288>.
- Clark, Katerina. (1981) 2000. *The Soviet Novel: History as Ritual*. Bloomington: Indiana University Press.
- Cohen, Erik. 2004. "Authenticity and Commoditization in Tourism." Pp. 101–114 in *Contemporary Tourism: Diversity and Change*, edited by Erik Cohen. Amsterdam: Elsevier.
- Dahlin, Johanna. 2017. "'No One Is Forgotten, Nothing Is Forgotten': Duty, Patriotism, and the Russian Search Movement." *Europe-Asia Studies* 69(7):1070–1089. <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1374353>.
- Dahlin, Johanna. 2018. "'Now You Have Visited the War': The Search for Fallen Soldiers in Russia." Pp. 131–144 in *Heritage of Death: Landscapes of Emotion, Memory and Practice*, edited by Mattias Frihammar and Helaine Silverman. London: Routledge.
- Golubev, Alexey. 2020. *The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- González, Pablo Alonso. 2013. *Cultural Parks and National Heritage Areas: Assembling Cultural Heritage, Development and Spatial Planning*. Newcastle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing.
- Hansen, Randall, Achim Saupe, Andreas Wirsching, and Daqing Yang, eds. 2021. *Authenticity and Victimhood After the Second World War: Narratives from Europe and East Asia*. Toronto: University of Toronto Press.
- Hoskins, Andrew. 2018. "Memory of the Multitude: The End of Collective Memory in Digital Memory Studies." Pp. 85–109 in *Media Pasts in Transition*, edited by Andrew Hoskins. London: Routledge.
- Huyssen, Andreas. 2003. *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Jenkins, Henry. 2006. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: New York University Press.
- Jones, Sarah. 2025. "Testimony." Pp. 587–595 in *Historical Authenticity: A Transdisciplinary Compendium*, edited by Martin Sabrow and Achim Saupe. London: Bloomsbury Academic.
- Kalinin, Ilya. 2011. "Nostalgic Modernization: The Soviet Past as a Historical Horizon." *Slavonica* 17(2):156–166.
- Kelly, Catriona, and David Shepherd, eds. 1998. *Constructing Russian Culture in the Age of Revolution*. Oxford: Oxford University Press.
- Kurilla, Ivan. 2020. "The 'Immortal Regiment': A 'Holiday Through Tears,' a Parade of the Dead, or a Mass Protest? Arguments over the Meaning and Future of a New Holiday Ritual." *Russian Politics & Law* 57(5–6):150–165. <https://doi.org/10.1080/10611428.2021.2002043>.
- Lindholm, Charles. 2008. *Culture and Authenticity*. Oxford: Blackwell Publishing.
- MacCannell, Dean. 1973. "Staged Authenticity: Arrangements of Social Space in Tourist Settings." *American Journal of Sociology* 79(3):589–603.
- Malinova, Olga. 2017. "Political Uses of the Great Patriotic War in Post-Soviet Russia from Yeltsin to Putin." Pp. 43–70 in *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*, edited by Julie Fedor, Markku Kangaspuro, Jussi Lassila, and Tatiana Zhurzhenko. London: Palgrave Macmillan.
- Malinova, Olga. 2022. "Symbolism and the Transformation of the National Historical Narrative in Post-Soviet Russia." Pp. 377–387 in *Routledge Handbook of Russian Politics and Society*, edited by Graeme Gill. London: Routledge.
- Merridale, Catherine. 2001. *Night of Stone: Death and Memory in Twentieth-Century Russia*. London: Viking.
- Morina, Christina, and Krijn Thijs, eds. 2018. *Probing the Limits of Categorization: The Bystander in Holocaust History*. New York: Berghahn Books.

- Nora, Pierre. 1989. "Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire." *Representations* 26:7–24.
- Orvell, Miles. 1989. *The Real Thing: Imitation and Authenticity in American Culture, 1880–1940*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Oushakine, Serguei Alex. 2009. *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Pauls, Haley, and Kevin Walby. 2020. "Military, Meaning, and Tactical Myopia: Representations of Weapons at the Royal Canadian Artillery Museum." *International Journal of Heritage Studies* 26(11):1109–1122. <https://doi.org/10.1080/13527258.2020.1752774>.
- Sabrow, Martin, and Achim Saupe, eds. 2025. *Historical Authenticity: A Transdisciplinary Compendium*. London: Bloomsbury Academic.
- Sarkisova, Oksana, and Olga Shevchenko. 2023. In *Visible Presence: Soviet Afterlives in Family Photos*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Saupe, Achim. 2016. "Authenticity." *Docupedia-Zeitgeschichte*, April 12. <https://doi.org/10.14765/zzf.dok.2.645.v1>.
- Taylor, Charles. 1991. *The Ethics of Authenticity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Tumarkin, Nina. 1994. *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books.
- Umbach, Maiken, and Mathew Humphrey. 2018. *Authenticity: The Cultural History of a Political Concept*. London: Palgrave Macmillan.
- Verdery, Katherine. 1991. *National Ideology Under Socialism: Identity and Cultural Politics in Ceausescu's Romania*. Berkeley: University of California Press.
- Voronina, Tatiana. 2021. "Between Memory and Policy: How Societies of Leningrad Siege Survivors Remember the War." Pp. 169–196 in *Authenticity and Victimhood After the Second World War: Narratives from Europe and East Asia*, edited by Robert Hansen, Achim Saupe, Andreas Wirsching, and Daqing Yang. Toronto: University of Toronto Press.
- Wachter, Alexandra. 2022. *The Last Heroes of Leningrad: Coping Strategies of Blockade Survivors in Soviet and Post-Soviet Society*. Vienna: Vienna University Press.
- Wang, Ning. 1999. "Rethinking Authenticity in Tourism Experience." *Annals of Tourism Research* 26(2):349–370.
- Wieviorka, Annette. 2006. "Witness in History." *Poetics Today* 27(2):385–397.
- Yurchak, Alexei. 2006. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- «Андрей Воробьев и Сергей Шойгу заложили камень в основание будущей часовни в парке "Патриот" в Кубинке». 2016. Правительство Московской области: официальный сайт, 14 января. <https://mosreg.ru/gubernator/press-služba/obzori-smi/smi-review-andrey-vorobev-i-sergey-shoygu-zalozhili-kamen-v-osnovanie-budushchey-chasovni-v-parke-patriot-v-kub>.
- Аркадьев, Андрей и Ирина Лосик. 2020. «Точка отсчета: Шойгу объяснил выбор места строительства Главного храма ВС РФ». Телеканал «Звезда», 13 марта. <https://tvzvezda.ru/news/20203121643-40pJj.html>.
- Басик, Иван. 2021. «Форпост военно-исторической науки. 55 лет со дня создания Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации». *Военно-исторический журнал* 11:64–71.
- Бойко, Александр. 2014. «Сергей Шойгу и Андрей Воробьев заложили парк "Патриот"». *Комсомольская правда*, 9 июня. <https://www.msk.kp.ru/daily/26241.5/3122766>.
- Боцвин, Сергей и Вадим Хватков. 2021. «Трансформация и анализ информации при создании базы данных участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов мемориального комплекса "Дорога памяти" Главного храма Вооруженных Сил Российской Федерации на основе компьютерных методов обработки информации». *Известия Южного федерального университета. Технические науки* 4:210–219.

- Вальченко, Сергей. 2020. «Дорога Памяти. К юбилею Великой Отечественной войны в парке "Патриот" возведен уникальный мемориал». *Армейский стандарт*, 21 мая. Архивировано 19 мая 2026 г. <https://web.archive.org/web/20260519005218/https://armystandard.ru/news/20205201026-jxW8D.html>.
- «Владимир Путин в парке "Патриот"». 2018. РИА Новости, 19 сентября. <https://ria.ru/20180919/1528927313.html>.
- «Военно-патриотическая акция "Горсть памяти" пройдет в городах России 22 июня». 2019. Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ), 20 июня. https://rapsinews.ru/incident_news/20190620/300783662.html.
- «Грандиозный проект "Дорога памяти" в парке "Патриот"». 2020. AVclub.pro, 18 октября. <https://www.avclub.pro/cases/grandioznyy-proekt-doroga-pamyati-v-parke-patriot>.
- «Минобороны отреагировало на критику по поводу создания копии Рейхстага». 2017. РИА Новости, 24 февраля. <https://ria.ru/20170224/1488708120.html>.
- Нельзина, Ольга, Александр О कोरोков и Тарас Поляков. 2019. *Тематические парки как учреждения музейного типа: проблемы и перспективы*. М.: Институт «Наследие».
- «О проекте Минобороны России "Дорога памяти"». 2020. Телеканал «Звезда», 27 января. <https://www.youtube.com/watch?v=8ltOoHv3TWU>.
- Устав федерального государственного автономного учреждения «Военно-патриотический парк культуры и отдыха Вооруженных Сил Российской Федерации «Патриот», утвержден в 2019 году, утвержден приказом директора Департамента имущественных отношений Министерства обороны РФ № 991. Архивировано 7 сентября 2022 г. <https://web.archive.org/web/20220907045543/https://patriotp.ru/upload/iblock/572/Ustav-redaktsiya-2019.pdf>.
- "Memory Lane Museum: The Immersive Experience Remembering the Red Army." n.d. Inavate. Retrieved September 26, 2025. <https://www.inavateonthenet.net/case-studies/article/memory-lane-museum-the-immersive-experience-remembering-the-red-army>.

WAR, TOURISM, AND AUTHENTICITY IN MOSCOW'S PATRIOT PARK

Tatiana Voronina

Tatiana Voronina, independent historian, Switzerland. voronina1977@gmail.com.

This article examines practices of authenticating the history of the Second World War in contemporary Russia. How do Russia's military-patriotic project and understandings of the sacred change when schoolchildren participate in historical reenactments instead of the Soviet-era Zarnitsa game, visit mock "partisan villages" rather than sites of military glory, and light candles in Orthodox churches instead of laying flowers at the Tomb of the Unknown Soldier? How is authenticity implicated in the production of the sacred, and what does the demand for authentic historical experience reveal about the relationship between state and society?

Using Moscow's Patriot Park—a memorial and entertainment complex that has become a model for new tourism developments across Russia—as a case study, I examine key features of contemporary Russian memory politics. Through authentic wartime artifacts, immersive exhibitions, and reconstructions of everyday military life, the park's organizers not only promote a patriotic interpretation of the past, largely consistent with the Soviet narrative of the war, but also cultivate visitors' embodied experience of history.

I argue that transforming the Second World War into a commercial and tourist brand serves not only as a heritage tourism strategy but also as a mechanism of political legitimization. Whereas in the Soviet Union the authenticity of the past rested primarily on censorship and ideological persuasion, in contemporary Russia it is produced through orchestrated experiences of personal participation in history. By shaping the ways the past is authenticated, the state retains authority over historical narratives, even as authenticity itself generates meanings that may exceed official intentions.

Keywords: Authenticity; Historical Policy; Tourism; Historical Parks; Patriot Park

REFERENCES

- Ashworth, Gregory J., Brian Graham, and John E. Tunbridge. 2007. *Pluralising Pasts: Heritage, Identity and Place in Multicultural Societies*. London: Pluto Press.
- Assmann, Aleida. 2014. *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaja politika*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Assmann, Aleida. 2016. *Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Berman, Marshall. 1972. *The Politics of Authenticity: Radical Individualism and the Emergence of Modern Society*. New York: Atheneum.
- Bielo, James S. 2018. *Ark Encounter: The Making of a Creationist Theme Park*. New York: New York University Press.
- Bogumił, Zuzanna, and Tatiana Voronina. 2023. *More than Alive: The Dead, Orthodoxy and Remembrance in Post-Soviet Russia*. Berlin: Peter Lang.
- Carman, John, and Patricia Carman. 2020. *Battlefields from Event to Heritage*. Oxford: Oxford University Press.
- Cento Bull, Anna, Hans Lauge Hansen, Wulf Kansteiner, and Nina Parish. 2019. "War Museums as Agonistic Spaces: Possibilities, Opportunities and Constraints." *International Journal of Heritage Studies* 25(6):611–625. <https://doi.org/10.1080/13527258.2018.1530288>.
- Clark, Katerina. (1981) 2000. *The Soviet Novel: History as Ritual*. Bloomington: Indiana University Press.
- Cohen, Erik. 2004. "Authenticity and Commoditization in Tourism." Pp. 101–114 in *Contemporary Tourism: Diversity and Change*, edited by Erik Cohen. Amsterdam: Elsevier.
- Dahlin, Johanna. 2017. "'No One Is Forgotten, Nothing Is Forgotten': Duty, Patriotism, and the Russian Search Movement." *Europe-Asia Studies* 69(7):1070–1089. <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1374353>.
- Dahlin, Johanna. 2018. "'Now You Have Visited the War': The Search for Fallen Soldiers in Russia." Pp. 131–144 in *Heritage of Death: Landscapes of Emotion, Memory and Practice*, edited by Mattias Frihammar and Helaine Silverman. London: Routledge.
- Eliade, Mircea. 2000. *Mifo vechnom vozvrashchenii*. Moscow: Ladomir.
- Eremeeva, Svetlana. 2021. *Pamiat': Pole bitvy ili pole zhatvy?* Moscow: Delo.
- Gabowitsch, Mischa, ed. 2020. *Pamiatnik i prazdnik: Etnografiia Dnia Pobedy*. Saint Petersburg, Russia: Nestor-Istoriia.
- Golubev, Alexey. 2020. *The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Goncharova, Natalia, and Iskender Yasaveev. 2020. "Konstruirovaniye smyslov poiskovoi raboty v Rossii: Leitmotivy vlasti i uchastnikov ekspeditsii." *Mir Rossii* 29(1):153–173. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-153-173>.
- González, Pablo Alonso. 2013. *Cultural Parks and National Heritage Areas: Assembling Cultural Heritage, Development and Spatial Planning*. Newcastle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing.

- Hansen, Randall, Achim Saupe, Andreas Wirsching, and Daqing Yang, eds. 2021. *Authenticity and Victimhood After the Second World War: Narratives from Europe and East Asia*. Toronto: University of Toronto Press.
- Hoskins, Andrew. 2018. "Memory of the Multitude: The End of Collective Memory in Digital Memory Studies." Pp. 85–109 in *Media Pasts in Transition*, edited by Andrew Hoskins. London: Routledge.
- Huyssen, Andreas. 2003. *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Jenkins, Henry. 2006. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: New York University Press.
- Jones, Sarah. 2025. "Testimony." Pp. 587–595 in *Historical Authenticity: A Transdisciplinary Compendium*, edited by Martin Sabrow and Achim Saupe. London: Bloomsbury Academic.
- Kalinin, Ilya. 2011. "Nostalgic Modernization: The Soviet Past as a Historical Horizon." *Slavonica* 17(2):156–166.
- Kelly, Catriona, and David Shepherd, eds. 1998. *Constructing Russian Culture in the Age of Revolution*. Oxford: Oxford University Press.
- Kurilla, Ivan. 2020. "The 'Immortal Regiment': A 'Holiday Through Tears,' a Parade of the Dead, or a Mass Protest? Arguments over the Meaning and Future of a New Holiday Ritual." *Russian Politics & Law* 57(5–6):150–165. <https://doi.org/10.1080/10611428.2021.2002043>.
- Lindholm, Charles. 2008. *Culture and Authenticity*. Oxford: Blackwell Publishing.
- MacCannell, Dean. 1973. "Staged Authenticity: Arrangements of Social Space in Tourist Settings." *American Journal of Sociology* 79(3):589–603.
- Malinova, Olga. 2017. "Political Uses of the Great Patriotic War in Post-Soviet Russia from Yeltsin to Putin." Pp. 43–70 in *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*, edited by Julie Fedor, Markku Kangaspuro, Jussi Lassila, and Tatiana Zhurzhenko. London: Palgrave Macmillan.
- Malinova, Olga. 2022. "Symbolism and the Transformation of the National Historical Narrative in Post-Soviet Russia." Pp. 377–387 in *Routledge Handbook of Russian Politics and Society*, edited by Graeme Gill. London: Routledge.
- Merridale, Catherine. 2001. *Night of Stone: Death and Memory in Twentieth-Century Russia*. London: Viking.
- Morina, Christina, and Krijn Thijs, eds. 2018. *Probing the Limits of Categorization: The Bystander in Holocaust History*. New York: Berghahn Books.
- Nikiforova, Larisa, and Elena Volkova. 2022. "Muzei Kholokosta: Transformatsiia muzeinogo rituala." *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury* 1(46):62–76. http://doi.org/10.52173/2079-1100_2022_1_62.
- Nora, Pierre. 1989. "Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire." *Representations* 26:7–24.
- Orvell, Miles. 1989. *The Real Thing: Imitation and Authenticity in American Culture, 1880–1940*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Oushakine, Serguei Alex. 2009. *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Pauls, Haley, and Kevin Walby. 2020. "Military, Meaning, and Tactical Myopia: Representations of Weapons at the Royal Canadian Artillery Museum." *International Journal of Heritage Studies* 26(11):1109–1122. <https://doi.org/10.1080/13527258.2020.1752774>.
- Pavlovskaja, Anastasiia. 2023. "Politika pamiati v Sankt-Peterburge i Leningradskoi oblasti: Aktory, praktiki, narrativy." Pp. 101–136 in *Politika pamiati v Rossii—regional'noe izmerenie*, edited by Alexei Miller, Olga Malinova, and Dmitry Efremenko. Moscow: INION RAN.
- Sabrow, Martin, and Achim Saupe, eds. 2025. *Historical Authenticity: A Transdisciplinary Compendium*. London: Bloomsbury Academic.
- Sarkisova, Oksana, and Olga Shevchenko. 2023. *In Visible Presence: Soviet Afterlives in Family Photos*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Saupe, Achim. 2016. "Authenticity." *Docupedia-Zeitgeschichte*, April 12. <https://doi.org/10.14765/zzf.dok.2.645.v1>.

- Taylor, Charles. 1991. *The Ethics of Authenticity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Tumarkin, Nina. 1994. *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books.
- Umbach, Maiken, and Mathew Humphrey. 2018. *Authenticity: The Cultural History of a Political Concept*. London: Palgrave Macmillan.
- Vanke, Alexandrina. 2015. "Landshafty pamiati: Park Pobedy na Poklonnoi gore v Moskve." *Ne-prikosnovennyi zapas* 3(101):203–220.
- Verdery, Katherine. 1991. *National Ideology Under Socialism: Identity and Cultural Politics in Ceaușescu's Romania*. Berkeley: University of California Press.
- Voronina, Tatiana. 2017. "Po-sovetski o blokade: Sotsrealizm i formirovanie istoricheskoi pamiati o leningradskoi katastrofe." Pp. 63–95 in *Blokadnye narrativy*, edited by Polina Barskova and Riccardo Nicolosi. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Voronina, Tatiana. 2018. *Pomnit' po-nashemu: Sotsrealisticheskii istorizm i blokada Leningrada*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Voronina, Tatiana. 2021. "Between Memory and Policy: How Societies of Leningrad Siege Survivors Remember the War." Pp. 169–196 in *Authenticity and Victimhood After the Second World War: Narratives from Europe and East Asia*, edited by Robert Hansen, Achim Saupe, Andreas Wirsching, and Daqing Yang. Toronto: University of Toronto Press.
- Wachter, Alexandra. 2022. *The Last Heroes of Leningrad: Coping Strategies of Blockade Survivors in Soviet and Post-Soviet Society*. Vienna: Vienna University Press.
- Wang, Ning. 1999. "Rethinking Authenticity in Tourism Experience." *Annals of Tourism Research* 26(2):349–370.
- Wieviorka, Annette. 2006. "Witness in History." *Poetics Today* 27(2):385–397.
- Yurchak, Alexei. 2006. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ: Princeton University Press.